

5. 40

ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ XX.

ВЫПУСКИ II—III.

(съ 41 рисункомъ на отдельныхъ страницахъ).

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
Петергофского
ИНСТИТУТА

359

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

Турецкіе элементы въ монгольскомъ языке¹⁾.

1.

Научное изученіе монгольского языка только что началось. До сихъ поръ остаются неизслѣдованными многія монгольскія нарѣчія, извѣстныя нарѣчія не изучены съ достаточной полнотой, до сихъ поръ остается открытымъ вопросъ о происхожденіи письменнаго монгольского языка и объ отношеніи къ нему живыхъ нарѣчій. Не вполнѣ выяснено также происхожденіе другого письменнаго языка монголовъ — ойратскаго (калмыцкаго); ойратскіе діалекты изслѣдованы мало и неизвѣстными остаются, поэтому, элементы, вошедшіе въ составъ письменнаго языка. Лучше всего изучено халхаское нарѣчіе, затѣмъ идутъ: говоры Восточной Монголіи, Волжско-калмыцкіе, бурятскіе и нарѣчіе афганскихъ монголовъ. Большинство остальныхъ монгольскихъ говоровъ, число которыхъ велико, неизвѣстно вовсе. Письменные памятники монголовъ, тоже изученные не въ достаточной степени, не восходятъ дальше 13-го вѣка, при чемъ число старыхъ памятниковъ незначительно²⁾.

Другую картину представляетъ собой языкъ турецкій. Большинство живыхъ турецкихъ нарѣчій изучено болѣе или менѣе подробно, имѣются изданія обширнаго лингвистического матеріала, обслѣдованы старые памятники языка. Кромѣ того туркамъ посчастливилось имѣть письменные памятники довольно большой древности, писанные притомъ при помощи очень хорошаго алфавита, таковы «орхонскіе» памятники VIII вѣка нашей эры. Затѣмъ находки и раскопки послѣднихъ лѣтъ въ Восточномъ Туркестанѣ открыли еще цѣлый рядъ старыхъ турецкихъ памятниковъ, писанныхъ на

1) Рефератъ, читанный въ лингвистической секціи Неофилологического Общества при Импер. СПБ. Университетѣ весною 1910 г.

2) См. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen (Helsingfors. 1902) Vorrede.

бумагѣ, быть можетъ еще болѣе древнихъ, чѣмъ орхонскіе. Какъ орхонскіе, такъ и уйгурскіе памятники сдѣлялись достояніемъ европейской науки, главнымъ образомъ благодаря трудамъ В. Томсена, акад. В. В. Радлова и др. Уже теперь обрисовывается съ достаточной ясностью отношеніе другъ къ другу разныхъ нарѣчий, старыхъ и новыхъ, и, болѣе или менѣе, выясняется исторія турецкаго языка; но все же изученіе этого языка не подвинулось такъ далеко, какъ изученіе языковъ финно-угорскихъ, не говоря уже о языкахъ индо-европейскихъ¹⁾.

Давно уже между монгольскимъ и турецкимъ языками предполагалось родство, оба эти языка помѣщались въ урало-алтайскую группу²⁾, обнимавшую кромѣ этихъ двухъ названныхъ языковъ еще языки манжуро-тунгусскій, самоѣдскій, угорскіе языки и финскіе. Теперь уже перестаютъ говорить объ этой семье; монгольский и турецкій языки вмѣстѣ съ языкомъ манжуро-тунгусскимъ выдѣляются въ особую группу — алтайскую.

До сихъ поръ всетаки нельзя сказать, чтобы вопросъ объ алтайской семье языковъ былъ решенъ опредѣленно. Наоборотъ, можно сказать, что «алтайская группа» существуетъ проблематично. Мы не только не знаемъ еще языковъ общемонгольскаго, -турецкаго и -манжурскаго, но до сихъ поръ остаются неизслѣдованными многія нарѣчія этихъ трехъ языковъ, не изучены все старые памятники.

Тѣмъ не менѣе начали появляться въ свѣтѣ труды изъ области алтайскаго языковѣданія, въ которыхъ высказывается отчастиaprіорное мнѣніе о родствѣ турецкаго, монгольского и манжурского и о существованіи въ частности монголо-турецкаго пражзыка. Извѣстны монголистомъ Г. И. Рамstedтомъ изданы пока двѣ этимологическія работы изъ этой области³⁾. — Среди чрезвычайно остроумныхъ положеній, высказанныхъ въ

1). См. статья проф. П. М. Меліоранскаго. Турецкія нарѣчія и литературы, Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрана 34, стр. 159—171, а также новѣйшія сочиненія акад. В. В. Радлова.

2) W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen. Зап. Импер. Акад. Наукъ т. VII, № 7. O. Donner, Die Uralaltsischen Sprachen, Finn.-Ugr. Forschungen. I. H. Winkler, Der Uralaltsische Sprachstamm, Berlin 1909. I. Grunzel. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin 1836.

3) Über die zahlwörter der altaischen sprachen (Journ. d. l. société finno-oug. XXIV) и Этимологія имени Ойратъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнogr. XXXIV). Въ значительной степени на мысли, высказываемыя мною здѣсь, натолкнули меня пять лекцій доцента Г. И. Рамstedта, читанныя имъ на русскомъ языке по приглашенію нѣсколькихъ петербургскихъ востоковѣдовъ въ СПБ. въ маломъ конференц-залѣ Имп. Академіи Наукъ (съ 15 по 20 декабря 1907 года), явившіяся краткимъ повтореніемъ его курса, читанного осенью того-же года въ Александровскомъ университѣтѣ въ Гельсингфорсѣ. Лекціи касались введенія въ фонетику монголо-турецкихъ языковъ (о согласныхъ).

Кромѣ того очень многое мнѣ пришлось почертнуть изъ лекцій академика В. В.

этихъ сочиненіяхъ, положеній, которыя, вѣроятно, оправдаются дальнѣйшими изслѣдованіями въ этой обширной области, мы всетаки встрѣчаемъ элементы, съ которыми трудно согласиться. Такъ можно указать на то, что привлекаются къ сравненію формы не равноцѣнныя, не всегда съ достаточной полнотой обслѣдуется исторія той или другой формы въ каждомъ отдельномъ языкѣ. Для примѣра обратимся къ изслѣдованію Г. И. Рамстедта объ «алтайскихъ» числительныхъ. Тамъ указывается¹⁾ на то, что Монг. бүрі, весь, все, соответствуетъ Тур. ²⁾ бір ~ бірі (изъ бірісі) одинъ, Тур. і = Монг. ў; напр. Тур. біт, исполниться = Монг. бүте; Тур. біj, танцевать = Монг. бүпі; Тур. кір, войти = Монг. күр, доходить.

Остановимся на предположеніи: Тур. бірі = Монг. бүрі. Правильность этой формулы сомнительна. Нѣтъ никакихъ оснований считать Тур. форму бірі болѣе древней, чѣмъ существующая во всѣхъ Тур. нарѣчіяхъ форма бір, предполагая, что конечное і отпало и сохранилось только въ формѣ бірісі, одинъ изъ нихъ, одинъ его. Противъ этого прежде всего говорить необыкновенный консерватизмъ турецкаго языка; и дѣйствительно, за все извѣстное намъ существованіе его мы видимъ слово «одинъ» постоянно въ формѣ бір, начиная съ орхонскихъ и уйгурскихъ памятниковъ; да и вообще намъ неизвѣстны на турецкой почвѣ случаи отпаденія послѣдняго і. Что же такое бірі, являющееся всетаки въ формѣ бірі + сі? Форма эта-отмѣчена въ грамматикахъ турецкихъ нарѣчій; «Числительное бір, писалъ, напримѣръ проф. П. М. Мелоранскій³⁾, принимаетъ передко два раза нарощеніе притяжательного суффикса 3-го лица, такъ что выходитъ бірісі». Въ сноскѣ на той же страницѣ указываются на такое же двойное нарощеніе, наблюдаемое при другихъ словахъ, напр. каін + ы + сы, его тестъ, керег + і + сі, его нужда etc. Можно прибавить, что явленіе это возникло, вѣроятно, благодаря аналогіи. Такъ бірісі «одинъ его», возникло по аналогіи съ екісі «двоє его» (екі, два):

ек - і - сі
бір + і + сі⁴⁾

Радлова, сопровождавшихся обыкновенно живѣнными обмѣнами мнѣній между нимъ и его слушателями: В. Л. Котвичемъ, А. Н. Самойловичемъ и А. Д. Рудневымъ. Послѣдніе не отказались любезно просмотрѣть настоящую мою статью въ корректурѣ и сообщить свои замѣчанія.

1) Стр. 5.

2) При транскрипціи турецкихъ словъ я буду пользоваться знакомъ е = ё транскрипціи акад. В. В. Радлова.

3) Краткая грамматика казакъ-киргизского языка (СПБ. 1894) ч. I, стр. 40.

4) Пр.-доц. А. Н. Самойловичъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ именно такъ объяснялъ форму бірісі

Изъ трехъ же приводимыхъ Г. И. Рамstedтомъ примѣровъ соотвѣтствія Тур. і съ Монг. ў одинъ примѣръ долженъ быть исключенъ несомнѣнно: кромѣ формы біт, «исполниться» мы имѣемъ болѣе древнюю, встрѣчающуюся въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ форму б ѿ т. Прежде чѣмъ привлекать къ сравненіямъ, слѣдуетъ, значитъ, выяснить соотношенія этихъ формъ въ предѣлахъ самого турецкаго языка.

2.

Совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о монголо-турецкомъ языкахъ, мнѣ бы хотѣлось сдѣлать попытку указать на явленіе, на которое, повидимому, до сихъ поръ не обращалось должнаго вниманія. Я говорю о возможности заимствованій однимъ языкомъ изъ другого, монгольскихъ заимствованій въ турецкомъ и турецкихъ въ монгольскомъ языкахъ.

Дѣйствительно въ монгольскомъ и турецкомъ языкахъ мы встрѣчаемъ значительное количество словъ совершенно одинаковыхъ по своему звуковому составу и по своему значенію. Напр.

Тур.		Монг.
к а р а ¹⁾ ,	черный	к а р а ²⁾
Уйг. Орх. қаған,	императоръ, ханъ	қаған ³⁾
Орх. катун,	ханша, дама	катун
Уйг. к ö к ш i н,	старикъ	к ö к ш i н
Уйг. Дж. т e м ў р,	желѣзо	т e м ў р
Уйг. ада ⁴⁾ ,	вредъ, злостный	ада
Орх. Уйг. Дж. Осм. и др. е с e н,	здоровый.	е с e н
Орх. Уйг. Ком. Алт. Тел. у л у с,	народъ	у л у с
Орх. Уйг. Тел. т ў м e n,	десять тысячъ	т ў м e n
Орх. Уйг. Кир. бол,	быть, становиться	б o л
Уйг. Дж. Ком. Кир. с a k a l,	борода	с a k a l

Очень много можно встрѣтить словъ въ монгольскомъ и турецкомъ, отличающихся въ фонетическомъ отношеніи одной только фонемой и совер-

1) Передъ словами, встрѣчающимися въ турецкомъ во *всехъ* нарѣчіяхъ по указанію словаря ак. Радлова, я не буду ставить никакого обозначенія, точно также и при монгольскихъ словахъ, взятыхъ въ формѣ «письменнаго языка»; во *всехъ* другихъ случаяхъ будетъ указываться привлекаемое для сравненія нарѣчіе.

2) О развитіи k > x на монгольской почвѣ см. Г. И. Рамstedтъ. Сравнительная фонетика монгольского письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора (СПБ. 1908), стр. 8—10. (Въ дальнѣйшемъ это сочиненіе будетъ цитироваться sub. Р. Ф.).

3) О й = Г см. Р.Ф. стр. 18.

4) См. W. Radloff. Tišastvistik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches sūtra (St.-P. 1910), стр. 66. (Въ дальнѣйшемъ это сочиненіе будетъ цитироваться sub R.T.).

шенно одинаковыхъ въ семасиологическомъ отношеніи. Въ такомъ случаѣ можно установить соотвѣтствія такихъ несходныхъ фонемъ. Напр. Тур. ы соотвѣтствуетъ въ сходныхъ словахъ Монг. и и Тур. ј соотвѣтствуетъ Монг. ц.¹⁾. Напр.

Тур.	Монг.
Ал. Тел. Ком. Уйг. Осм. јыл,	годъ
Уйг. Алт. тары,	пахать
Кир. К.-Кир. Осм. Крм. Алт. Ком. таны,	знать, узнавать
Уйг. Ком. яң,	нравъ, обычай

Значительное количество турецкихъ словъ отличается отъ соотвѣтствующихъ монгольскихъ только тѣмъ, что не имѣютъ на концѣ гласнаго звука.

Напр.

Тур.	Монг.
Уйг. ук, понимать	у ка
Уйг. бүт, исполниться, совершиться	бүтү, бүте
Орх. Уйг. кёк, синій	кёке
кон, провести ночь	коно
ер, мужъ, мужчина	ере

Еще больше словъ, главнымъ отличиемъ которыхъ является въ монгольскомъ окончаніе ун²⁾), тогда какъ турецкіе эквиваленты его не имѣютъ.

Напр.

Тур.	Монг.
Уйг. Дж. Кир. К. Кир. ои, умъ, разумъ	ојун
Уйг. Бар. коюс, пустой	коюсун
Орх. арыз, чистый	аризун
Уйг. Орх. Дж. Тел. күч, сила	күчүн

Привожу еще нѣсколько примѣровъ словъ одинаковыхъ по своему значенію въ монгольскомъ и турецкомъ и отличающихся лишь немногого по своему звуковому составу.

Тур.	Монг.
Уйг. тылтак, причина	сілтау ³⁾
Дж. Ком. Каз. кадак, гвоздь	кадауасун
Орх. Уйг. Дж. Крм. кои, којун, овца	конін, коні

1) Впрочемъ и на Тур. почвѣ въ Каз. и Кир. имѣется въ этихъ случаяхъ ц.

2) Что это за окончаніе, выяснить до сихъ поръ вполнѣ не удалось; окончаніе ун извѣстно еще въ суффиксѣ сун (с-+ун?), оконч. Genitiv. ун и въ формѣ дѣепричастія приготовительного на рун (р-+ун). Срв. А. Д. Рудневъ. Материалы по говорамъ Восточной Монголіи. СПБ. 1911. §§ 68 сл. (въ дальнѣйшихъ цитатахъ РМВ.).

3) Въ монгольскомъ языкѣ мірѣ хорошо извѣстны чередованія с и т; напр. с ў,

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XX.

Уйг. тақыу,	курица	такіңа, тақіја
Орх. талуі,	море	далаі
Орх. алтун,	золото	алтан
Уйг. Орх. түш,	падать, попадать	түс
Алт. Ком. Уйг. жалын,	пламя	жалі
	ала,	пестрый
Орх. Уйг. Дж. Осм. Кир. күт,	счастье	күтүү

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, имѣется значительное количество словъ совершенно одинаковыхъ съ фонетической и семасиологической стороны въ обоихъ языкахъ. Число такихъ примѣровъ можетъ быть увеличено; въ этомъ легко убѣдиться, хотя бы бѣгло просматривая монгольские и турецкие словари. Приводя эти данные, я старался подбирать примѣры почти исключительно изъ наиболѣе старыхъ нарѣчій языка турецкаго и монгольского; изъ языка турецкаго формы «орхонскія» и «уйгурскія», а изъ монгольского формы «письменнаго» языка, имѣющія притомъ эквиваленты въ современныхъ живыхъ нарѣчіяхъ. Еще больше можно было бы привести примѣровъ, если пользоваться матерьяломъ, предоставляемымъ современными турецкими и монгольскими нарѣчіями, а также, если привлечь слова, сходныя въ монгольскомъ и турецкомъ по своему звуковому составу, но отличающіяся между собой въ семасиологическомъ отношеніи. Такъ какъ это меныше можетъ служить для моихъ цѣлей, я не буду приводить примѣровъ изъ этой области.

Какъ видно, слова, общія какъ турецкому, такъ и монгольскому, встречаются въ разнообразныхъ формахъ, въ формахъ именъ существ., числิต., глаголовъ; тутъ встречаются слова, обозначающія самые различные предметы, слова отвлеченные, слова, употребляемыя для названія частей тѣла etc. Отмѣтить существованіе такихъ словъ, ихъ количество и ихъ роль въ обоихъ языкахъ тѣмъ интереснѣе, что одному изъ первыхъ изслѣдователей въ области алтайского языковѣданія Г. И. Рамstedtu пришлось указывать на явленія другого порядка. Напр. Г. И. Рамstedtъ¹⁾ считаетъ возможнымъ возводить монгольское р къ *з, на турецкой же почвѣ *з > з, такъ что монгольское р соотвѣтствуетъ турецкому з, что позволяетъ Г. И. Рамstedtu считать, принимая во вниманіе и другія явленія, имя Оjірад за «точь въ точь то же самое что древне турецкое наименованіе Оjуз²⁾».

садиться || Вост. Монг. т ѿ; Дэрбэт.-Астр. и письм. Ойр. х а с а б ч і, дверцы || Дэрбэт.-Кобд. х а т а б ч і. О чередованіи с и д, т въ письменномъ см. РФ. 19—20. Срв. РМВ. §§ 26 и 25.

1) Этимологія имени Ойратъ. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XXXIV, стр. 553.

2) Ibid. 550.

3.

Возникаетъ вопросъ, не имѣемъ-ли мы дѣло съ заимствованіями, и при томъ очень ранними¹⁾, изъ одного языка въ другой, является вопросъ, не проникли-ли турецкіе элементы, элементы языка несравненно болѣе древняго и болѣе культурнаго, въ монгольскій языковый міръ.

Если мы обратимся къ древнѣйшимъ монгольскимъ памятникамъ, то найдемъ фактическое, документальное подтвержденіе того, что языковый міръ турокъ вліялъ на языковый міръ монголовъ. Въ старинныхъ монгольскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ словъ несомнѣнно турецкаго происхожденія, которыя впослѣдствіи частью были утрачены монголами, частью же сохранились и донынѣ; не надо забывать того обстоятельства, что главная масса монголовъ, начиная съ 13 столѣтія, не входила больше въ непосредственное общеніе съ турками и подвергалась культурнымъ вліяніямъ уже другихъ сосѣдей. Съ турками сталкивались только западные монголы — ойраты; большинство же монголовъ, ушедшихъ на западъ съ Чингис-ханомъ и его преемниками, быстро отуречилось.

Обратимся теперь къ старымъ монгольскимъ памятникамъ. Киракось, армянский писатель, составилъ въ 13-мъ вѣкѣ, т. е. на зарѣ монгольской исторіи, списокъ монгольскихъ словъ²⁾, среди которыхъ попадаются слѣдующія, несомнѣнно турецкаго происхожденія:

баскак, сборщикъ податей (Пат. II. 136), слово это въ Монг. яз. не существуетъ.

гог, кока, небо (Пат. II. 49), Тур. кѣк. Въ Монг. яз. въ такомъ значеніи не существуетъ; въ Монг. встрѣчается выраженіе кѣке т(е)ңрї, голубое небо, напр. у кобдоскихъ дэрбэтовъ существуетъ восклицаніе: кѣкѣ тенрї! соотвѣтствующее русскому Боже мой!

кушчи, начальникъ охоты, преимущественно птичьеи. (Пат. II. 139)

Тур. кушчи, id. Въ Монг. не встрѣчается.

іёз, лицо. (Пат. II. 48). Тур. јүз, id. Въ Монг. нѣтъ въ такой формѣ; въ Монг. встрѣч. цісүн, цвѣтъ лица, масть, Калм. зүсүн.

1) Сравнительно конечно; не надо забывать, что монголовъ до 12—13 вѣка не существовало, какъ исторической единицы нельзя даже доказать, что они существовали этнографически; не то турки.

2) См. К. П. Паткановъ. Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. СПБ. 1874 2 вып. (цитируется sub Пат. II) СПБ. также Howorth, History of the Mongols III, стр. 88.

бітікчі, писецъ, секретарь (Пат. II. 136). Монгольскій знаетъ формы бічіг, письмо, бічігечі, Хал. бічечі, писецъ. (О развитіи Монг. ч < т см. РФ. 11, тамъ же и о бітік-бічіг).

буркуј күш, орель (Пат. II. 48) Тур.? Въ Монг. нѣтъ.

тангиз, море (Пат. II. 48). Тур. тәңіс. Въ письменномъ Монг. язъ слово это встречается чрезвычайно рѣдко. Въ живыхъ нарѣчіяхъ, намъ известныхъ, оно не встречается, за исключениемъ поволжскихъ калмыковъ, у которыхъ это слово во всеобщемъ употреблении.

Много турецкихъ словъ находимъ мы въ монгольскомъ гlosсаріи, составленномъ въ 13-мъ или 14-мъ вѣкѣ арабомъ-филологомъ, вѣроятно, въ сѣверной Персії¹⁾. Встрѣчаются тамъ²⁾ напр.: тырнаk, корыто; караेryк, слива; арmut, груша; аðа, господинъ, вельможа; ўккүз, быкъ; ала, пестрый; алп, богатырь, алтун, золото; ўлгү, образецъ; одаб, очагъ; борунцүк покрывало; булбая, свалка; булут, облако; боз, белый; такуk, курица; тенрікін елчісі, пророкъ; четүк, кошка; девүче, тетка; тоðан аяð, подножка котла; казбан, котель; конок, гость; сајін гіші, краснорѣчивый; күңlіг, күңlег, рубаха, (въ Калм. разгов. встречается слово кілік, рубаха, это болѣе новое заимствованіе изъ Тур.); күргечі, барабанщикъ; П. М. Меліоранскій даетъ еще конъектуру, вокализируя это слово иначе: — кевергечі и сближается съ Монг. кеңгергечі, барабанщикъ³⁾; конъектура его почти вѣрна, въ недавно открытыхъ уйгурскихъ памятникахъ встречается форма көврүк, барабанъ; она, конечно, и попала къ тѣмъ монголамъ, языкъ которыхъ былъ известенъ арабу-филологу; гүге, небо (см. выше, гlosсарій армянскихъ писателей); jaðы, врагъ; јылан, змѣя. Всѣ слова турецкаго происхожденія, перечисленныя здѣсь, въ Монг. языкѣ не встречаются; персидскіе монголы скоро отуречились, о языкахъ афганскихъ монголовъ можно судить по Mogholica Г. И. Рамстедта⁴⁾.

Далѣе въ монгольскихъ документахъ, найденныхъ недавно въ Восточномъ Туркестанѣ, носящихъ имена монгольскихъ хановъ 14-го и

1) См. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турецкомъ языке (СПБ. 1900) стр. I—XXI.

2) П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о монгольскомъ языке. (СПБ. 1903) [Въ цитатахъ АФМ.], стр. 107—155. Проф. П. М. Меліоранскимъ указаны всѣ слова турецкаго происхожденія.

3) П. М. Меліоранскій. id. стр. 148.

4) G. J. Ramstedt. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-sprache in Afghanistan (Helsingfors. 1905). Срв. также В. Бартольдъ. Къ вопросу о происхожденіи Кайтаковъ. (Этнogr. Обозр. кн. 84—85, стр. 37 и слѣд.).

15-го вѣка, мы опять находимъ нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ турецкаго. Напр. ¹⁾).

бадман, мѣра=64 чаракъ, но мнѣнію F. W. K. Müller'a это слово иранскаго происхожденія, къ монголамъ попало изъ средне-персидскаго (нехлевійскаго) при посредствѣ уйгуръ ²⁾, такъ же, какъ и нішан (ніша), штемпель, печать.

кѣк бука, чібін, јабаѣу (Тур. јаббу), собств. имена, всѣ турецкія.

До сихъ поръ мы рассматривали памятники монголовъ, ушедшихъ на Западъ, вошедшіхъ въ близкое соприкосновеніе съ турками и другими народами и впослѣдствіи исчезнувшихъ. Обратимся къ стаиннымъ памятникамъ восточныхъ монголовъ, оставшихся послѣ Чингис-хана внѣ непосредственнаго общенія съ «чистыми» турками.

До насъ дошло, въ китайской транскрипціи и переводѣ, эпическое сказаніе, составленное, какъ думаютъ, въ Монголіи въ 1240 г.—Юань-чаоми-ши ³⁾. Сказаніе это до сихъ поръ не издано и не изслѣдовано надлежащимъ образомъ. Пользуюсь неоконченнымъ литографированнымъ изданіемъ транскрипціи текста ⁴⁾, чтобы представить рядъ чисто турецкихъ словъ, заключающихся въ этомъ памятнике.

(тәңгіс) тәнгис (сохраняется орфографія подлинника),—Тур. тәңіс (см. выше, глоссарій армянскихъ авторовъ).

(пад) чжат, чужой;—Уйг. Дж. Каз. јат, Кир. ҹات, чужой въ Монг. нѣть, обѣ ј ~ ҹ см. выше.

(аріј усун) аріх усун, название урочища; первое слово турецкое—Орх. арыї, чистый, Монг. Форма—аріјун; второе слово—усун монгольское.

Наконецъ въ памятникахъ монгольского квадратнаго письма мы тоже встрѣчаемъ слова чисто турецкія. Такъ напр. въ грамотахъ вдовы Дармабала и Буянту-хана ⁵⁾ попадаются слѣдующія:

1) См. Sitzungsberichte der König. Preuss. Akad. der Wiss. 1909, статья G. J. Ramstedt'a Mongolische Briefe aus Idiqut-Schähri bei Turfan, стр. 838—848.

2) id. стр. 847. Срв. это же самое слово въ ўлігер-үн иом (Xylogr. 36 библіот. СПБ. Унiv.). Примѣровъ, гдѣ бы слово «батман» встрѣчалось въ пехлевійскихъ текстахъ, Müller не приводитъ. Срв. попытку турецкой этимологіи того же слова въ статьѣ Batman въ «Encyklopædie des Islam» (W. Barthold).

3) См. брошюру проф. А. М. Позднѣева (СПБ. изд. Русск. Археол. Общ. 1883 г.), а также Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, проф. В. В. Бартольда, ч. II стр. 43—44.

4) А. Позднѣевъ. Транскрипція палеографическаго текста «Юань-чао-ми-ши».

5) 1314 и 1321 гг. см. А. А. Бобровниковъ. Памятники монг. квадрат. письма. (СПБ. 1870), и проф. А. М. Позднѣевъ. Лекціи по истории монг. литературы (СПБ. 1897) т. II.

ба ў, садъ ~ Тур. ба ў, id. (изъ персидского языка), Въ Монг. въ такомъ значеніи слово это теперь неизвѣстно; Монг. ба ў, охапка, связка, группа людей, юртъ || орх. ба ў, id.— другое слово

кебіт(л), лавка ~ Тур. (Уйг. Кар.) кебіт, id. Въ Монг. нарѣчіяхъ слово это извѣстно только у Волжскихъ калмыковъ, гдѣ можетъ быть позднимъ заимствованіемъ. Считать въ словѣ јорчікун, встрѣчающемся въ обѣихъ грамотахъ, появление ј вмѣсто Монг. ц > з турецкимъ вліяніемъ, какъ дѣлаетъ это проф. А. М. Позднѣевъ¹⁾, нѣть никакихъ основаній.

4.

Немногочисленны старые памятники монголовъ и не всѣ приведены въ извѣстность, не велико поэтому количество нашихъ примѣровъ. Но, все-таки, и по нимъ можно судить о томъ вліяніи, которое имѣли турецкій языкъ и турецкая культура на монголовъ въ 13-мъ и 14-мъ вѣкахъ. Мы имѣемъ документальныя данныя, очень немногочисленныя правда, подтверждающія проникновеніе турецкихъ словъ къ той или другой части монгольского племени, и можно думать, что вліяніе это было гораздо значительнѣе, чѣмъ мы можемъ судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи фактическимъ даннымъ²⁾. Новыя открытія въ Восточномъ Туркестанѣ и изслѣдованія языка и культуры «уйгуръ» проливаютъ новый свѣтъ и на монгольский языкъ. Съ давнихъ поръ, конечно, было извѣстно, что письмо у монголовъ заимствовано отъ уйгуроў³⁾, но вопросъ о времени и мѣстѣ возникновенія монгольского письменного языка по прежнему остается открытымъ; во всякомъ случаѣ нельзя уже теперь согласиться съ B. Laufer'омъ, когда онъ писалъ: «Vor dem Anfang des dreizehnten Jahrhunderts ist bei den mongolischen Stämmen von dem Gebrauch einer Schrift keine Rede»⁴⁾. Теперь на основаніи новѣйшихъ изслѣдований выясняется, что монголы позаимствовали отъ уйгуроў кромѣ алфавита еще очень многое⁵⁾, что отразилось и на языке; вмѣстѣ съ заимствованіями новыхъ понятій заимствовались и новые слова. Какъ теперь выясняется, многочисленные буддійские термины монголовъ, книжные и сдѣлавшіеся достояніемъ живой рѣчи — уйгурскаго происхожденія, такъ что, когда въ 16-мъ вѣкѣ къ монголамъ, находившимся тогда въ періодѣ упадка послѣ изгнанія Юань-

1) Op. cit. стр. 103.

2) См. Бартольдъ. Туркест. въ эпоху монг. наш., стр. 416—423 и его же «Къ вопросу объ уйгурской литературѣ и ея вліяніи на монголовъ». Живая Старина. 1909, в. II и III.

3) См. B. Laufer, Skizze der mongol. Literatur, стр. 183. Keleti szemle, 1907, VIII, и проф. Позднѣевъ. Лекціи по истории монг. литер. т. I, стр. 144—150.

4) Op. cit., стр. 183, см. РФ. стр. 3.

5) См. выше указан. сочиненія проф. В. В. Бартольда.

ской династії изъ Китая, началъ проникать тибетскій буддизмъ въ формѣ ламаизма б Цо цапа¹⁾, то онъ воспользовался для своихъ цѣлей буддійскими терминами, занесенными въ старину къ монголамъ отъ уйгуротовъ. Вмѣстѣ съ распространениемъ ламаизма среди западныхъ монголовъ-ойратовъ къ нимъ была занесена также терминология. Но, въ послѣдующія эпохи монголы имѣли дѣло съ тибетскими и, можетъ быть, санскритскими книгами и поэтому у нихъ появились буддійскіе термины, заимствованные изъ этого новаго источника, иногда даже параллельные старымъ, уйгурскаго происхожденія. Сами монголы сохранили смутное представление о вліяніи на нихъ уйгуротовъ и уйгурскаго буддизма; тибетскій ламаизмъ заслонилъ отъ нихъ былое культурное теченіе, слѣды котораго сохранились у монголовъ въ ихъ языке.

Привожу перечень нѣкоторыхъ монгольскихъ буддійскихъ терминовъ уйгурскаго происхожденія, насколько это возможно, на основаніи работъ въ области уйгурологии В. В. Радлова, F. W. K. Müller'a и барона A. von Staël-Holstein'a.

М. а б і ш і ю и а б і ш і г, посвященіе, освященіе; слово книжное, въ живой рѣчи встрѣчающее рѣдко; Уйг. а в і з і к²⁾) < Санскр. Abhiṣeka.

М. а я җ а т е к і м л і г, буддійскій монахъ; акад. В. В. Радловъ указалъ уже (RT. 49—50), что монголы, заимствуя этотъ терминъ, не поняли Уйг. выраженія аjakка текімлік, der Schale zukommend, der Schale angehörend, zur Schale passend, принявъ турецкій Dativ. за Nominativ. Можно еще прибавить, что монголы осмыслили выраженіе а я җ а текімліг особымъ образомъ. Хотя вездѣ пишется текімліг, монголы читаютъ такъ, какъ будто было написано такімліг, сопоставляя это слово народно-этимологически со словами: такімда, оказывать почтенье, почитать, такімдал, почитаніе, такіл, жертва. Слово а я җ а < Уйг. аjak-к(г)а, заимствованное въ dativ., стало у монголовъ живымъ словомъ, известнымъ, повидимому, у всѣхъ монгольскихъ племенъ: Хал. аյажа, Вост. Монг. айча, Бур. а я җ а, Ойрат. аяча, — чаша. И тогда выраженіе а я җ а такімліг стало понимаемо монголами, какъ «принимающій жертву»

1) Транскрибирую тибетское написание этого слова; монголы читаютъ это слово невѣрно, хотя особо приспособленной азбукой (галикомъ) они передаютъ его правильно. Русскими авторами слово это приводилось въ монгольскомъ чтеніи, напр. проф. А. М. Позднѣевъ писалъ Цзоихава.

2) См. F. W. K. Müller, Uigurica. Abhandlungen der König. Preuss. Akad. der Wissen. 1908, стр. 34. (Въ дальнѣйшемъ будетъ цитироваться sub Mül. съ указаніемъ страницы текста; — въ случаѣ указанія авторами F. W. K. Müller'омъ, В. В. Радловымъ на монгольскій эквивалентъ, мнено это отмѣчается). Объ отношеніи уйгурскихъ формъ къ санскритскимъ etc. см. Barou A. von Staël-Holstein, Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Tīśastvustik-Manuscripts. Biblioth. Budd. XII.

чашей, въ чашѣ». Интересно отмѣтить, что у монголь очень часто встрѣчается написаніе ая җа (аяк ҝа) текимліг(к), совершенно какъ въ уйгурскихъ памятникахъ.

М. арбіс, арвіс, арjіс, знаніе, слово книжное; Уйг. арвыш, арjыш (RT, 54—55, указ. Монг. эквивалента), id.

М. асаңџи, сто тысячъ билліоновъ, Санскр. asankya слово книжное; Уйг. асаңы (W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler (печатается) стр. 37—38), id.

М. бакші, учитель вѣры, слово очень распространенное среди монголовъ, Уйг. baχši (Mül. 47) (бакшы) < Санскр. bhikṣu.

М. барамид, = Санскр. rāgamitā; слово книжное, но, всетаки, болѣе или менѣе ставшее и достояніемъ живой рѣчи, часто встречается въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ; Уйг. парамыт (барамыт). (W. Radloff, Uig. Spr. 37—38), id.

М. бачаҗ, маҷаҗ¹⁾, постъ, хорошо известное слово и въ живой рѣчи; Уйг. бачак, id. (W. Radloff, Chuastuanit. (S.-Pbg. 1909), стр. 33. указ. на Монг.).

М. белге біліг, высшее знаніе мудрость; первое слово белге, знакъ, примѣта, второе — біліг, знаніе, мудрость; Уйг. piłke pilik (білге білік) (RT, 3), вѣдающая мудрость, знаніе. Въ Тур. оба слова происходить отъ глагольной основы bîl, знать. Монголы спутали білге съ встречающимся и въ уйгурскомъ словомъ бельг, бельгү, знакъ, примѣта или, можетъ быть, съ имѣвшимся уже у нихъ самихъ эквивалентомъ белге, id. Слова біліг, белге и белге біліг хорошо известны въ современныхъ нарѣчіяхъ, слова же біл (bîl), знать въ Монг. не существуетъ.

М. бодісату, бодісаду, бодісатуа, бадісатва, бодисато бодісү, бодісуг, бодісүц, бодні сад (Ойрат. письм. формы) = санскр. bodhisattva; Уйг. бодісвт, бодіств (см. baron von Staël-Holstein, op. cit. 140—142, puṭistv, puṭisvt; Müller транскрибируетъ bodistv). Монгольскія транскрипціи объясняются уйгурскимъ начертаніемъ этого слова. Монголы при перепискѣ съ уйгурского вокализировали с и принимали т за у, в за ѣ или ў, г.²⁾. Форма бодні сад, вѣроятно, пришла въ ойратскую письменность уже изъ другого источника.

М. букар, монастырь; слово книжное, встречается рѣдко; въ жи- выхъ діалектахъ неизвестно; Уйг. vaχar³⁾ (бакар) = Санскр. vihāra, id. (Mül. 47).

1) О чередованіи б и м на монгольской почвѣ см. РФ. 36.

2) Т. е. читали ~~بەدەسەت~~ какъ ~~بەدەسەت~~ или ~~بەدەسەت~~

3) Транскрипція F. W. K. Müller'a.

М. бујан, добродѣтель, добро, благодѣяніе, очень распространенное слово и въ живыхъ діалектахъ, Бур. бујан, буің, Хал. буің, Ойр. бујін; какъ имя собствен., напр. Бујін-кішік (Ойр.); Уйг. бујан, verdienstvoll (Mül. 15).

М. буркан, Хал. бурхাঃ, Бур. бурхান, Калм. бурхң, Buddha; «бурхан»; Уйг. буркан (burkan по Müller'у) см. baron von Staël-Holstein, op. cit. Nachtrag.

М. вачір, очір, =санскр. vajga, священный скипетръ, алмазъ, шарикъ на шляпѣ чиновниковъ, собствен. имя; известно и во всѣхъ живыхъ діалектахъ; Уйг. vzır и vzır (Mül. 18).

М. енеткең, назв. Индій; слово книжное, но известное всѣмъ болѣе или менѣе образованнымъ монголамъ; Уйг. енетек (Mül. 14).

М. ердем, способность, дарование, искусство; слово это известно и въ живыхъ говорахъ; Уйг. ердем, id. (Mül. 20).

М. ердені, =санскр. ratna, драгоценность, императорская печать, собствен. имя; очень распространенное слово и въ живыхъ діалектахъ; Уйг. ертіні (RT 30), ертені (Radloff. Uig. Spr. 38), id. Въ Монг., письмен. яз. встречается форма ратна, болѣе позднее заимств. см. выше.

М. јіртінчү, јертінчү, Ойр. письмен. јертінцү, Бур. јүртенсе, јүртүнсү, Калм. јіртмци, міръ, вселенная; общеизвестное слово; Уйг. јіртінчү, (јертінчү || јер, јір) (RT. 8). Происхожденіе этого термина, какъ и другихъ уйгурскихъ буддийскихъ, неопределено еще; уйгурская терминология создавалась подъ разнообразнейшими вліяніями. Въ данномъ случаѣ возможно и тибетское; Тиб. 'jig-rten (циртен), міръ¹⁾.

М. ҹула, Хал. զулա, Калм. зулай, лампада, свѣтильня; общеизвестное слово; Уйг. ҹула, id. (Mül. 22).

М. қала б, =Санскр. kalpa; слово болѣе или менѣе известное и въ живыхъ діалектахъ; Уйг. қалб.

М. кувараң, Хал. хувәрәк, буддийский монахъ, очень распространенное слово; Уйг. құврақ (RT 48, объясненіе и ссылка на Монг.).

М. лабаі, труба изъ морской раковины; Уйг. лабаі (Mül. 22) труба.

М. ном, книга, священная книга, учение, законъ, явленіе предметъ; Уйг. ном, id.

М. номла, учить, проповѣдовать; Уйг. номла (RT 7) id.

Оба эти слова во всеобщемъ употребленіи у монголовъ.

1) См. проф. О. Ковалевскій, Буддийская космогонія. Ученые Записки Казанского Университета, 1837 г.; стр. 391.

М. пірван, — Санскр. *nirvāṇa*, слово книжное; Уйг. нырван (Mül. 21) id.

М. самаді, — Санскр. *samādhi*, слово книжное; Уйг. саматі (baron Staël-Holstein op. cit. 131).

М. сіді (шіді) = Санскр. *siddhi*; новейшая Монг. форма сідхі, Ойр. письмен. сідхі; Уйг. сіді, id. (Mül. 32).

М. шаріл, — Санскр. *śarīra*; Уйг. širir (Mül. 47).

Въ Монг. яз. сіді и шаріл известны въ средѣ ламъ, хотя бы и не грамотныхъ по-монгольски.

М. сілүг (шілүг), — Санскр. *çloka*, слово книжное, Уйг. слок (Mül. 26).

М. судур, — Санскр. *sūtra*; въ живыхъ діалектахъ значить еще «книга», «священная книга»; Уйг. сутур (baron Staël-Holstein, стр. 133).

М. тітім, корона, діадема; слово книжное; согдійское διδίμ=διαδημа (Mül. 47); Уйг. форма еще неизвестна, вѣроятно тітім; монгольское заимствование указано Müller'омъ.

М. діјан = Санскр. *dhyāna*; слово книжное; Уйг. тјан (baron Staël-Holstein, 134), діан (Müller'y, стр. 18); транскрипція Müller'a по всей вѣроятности не вѣрна, это показываетъ монгольская форма діјан (< Уйг. тјан¹), въ выше приведенныхъ примѣрахъ многообразовъ такой вокализациі на монгольской почвѣ.

М. тојін, духовная особа; въ живыхъ діалектахъ тојін'омъ называются теперь духовныхъ особъ только княжескаго дома²); Уйг. тојын (RT 62, Staël-Holstein 138, объясненіе и указаніе на Монг.).

М. тїрі (изрѣдка тєрі); раньше полагали, не зная уйгурской формы, что пишется тегрі, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не вокализованную на монгольской почвѣ форму³); Ойр. письмен. тєңгері; небо, небожитель; Уйг. тїрі, id. (R. T 51, объясненіе и указаніе на Монг.).

М. чамбудіб, чамбудіб, — Санскр. *Jambudvīpa*; слово книжное; Уйг. (чамбутивіб) чампутівіп (RT 26, Staël-Holstein, 135).

М. шафшабад, обѣть; слово книжное; Уйг. чкарапт (W. Radloff, Chuastuanit, 35—36 объяснено), id.; не вполнѣ понятно появление въ Монг. ш || Уйг. ч; можетъ быть опять невѣрное чтеніе?

1) Транскрипція В. В. Радлова.

2) Это послѣднее значеніе уже отмѣчено А. Рудневымъ въ Библіографической замѣткѣ (Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольского нашествія) Сибирскій Сборникъ (прил. къ Вост. Обозр. 1902 г.) стр. 198.

3) Очевидно монг. форма была прямо переписана изъ уйгурскихъ книгъ; о чтеніи и уйгурской письмен. формѣ см. RT. 51.

М. шастр, == Санскр. *çāstra*; въ современныхъ живыхъ діалектахъ словомъ этимъ еще обозначаютъ иногда отдель особаго рода пѣсень; Уйг. шастр (Müл. 13) id.; опять примѣръ вокализаціи на Монг. почвѣ.

М. убасанча, == Санскр. *upāsikā*; слово известное и въ живыхъ говорахъ; мірянка, принявшая нѣкоторыя монашескія обѣты; согдійское *upasanč* (см. Müл. 47, объясненіе и указаніе на Монг.); тамъ же см. о сі-бафанча, сіманча).

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, уйгурскія слова, сами по себѣ различного происхожденія, переносясь на монгольскую почву, сохраняютъ почти неизмѣнно свой видъ со стороны звуковой и семасиологической. Вокализація уйгурского письма, на которую приходилось обращать вниманіе, происходила, собственно говоря, не на монгольской почвѣ, а на уйгурской. Какъ это было указано академикомъ В. В. Радловымъ на примѣрѣ тѣрі || тەрі (RT 51), уйгурскія фонемы не соотвѣтствовали графемамъ; уйгуры, конечно, никогда не произносили чкаст, тѣрі, бодістъ и монголы заимствовали отъ уйгuroвъ ихъ чтеніе; иногда, впрочемъ, монголы брали слова въ ихъ графической формѣ, при чемъ порой переписывали невѣрно, что давало начало особымъ монгольскимъ формамъ. Въ общемъ, можно сказать, уйгурскія формы, становясь достояніемъ монголовъ, не измѣнялись и сохранились до сего времени какъ въ письменномъ монгольскомъ языке, такъ въ различныхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ. Въ данномъ случаѣ на долю монгольского языка выпадаетъ удѣлъ хранителя старыхъ турецкихъ формъ. Уже теперь, какъ это видно изъ работъ акад. В. В. Радлова и F. W. K. Müller'a, очень многое объяснилось благодаря сохраненію уйгурскихъ заимствованій въ монгольскомъ, такъ будетъ, конечно, и дальше.

Но, еще большее значеніе имѣть открытие уйгурскихъ заимствованій въ монгольскомъ для самого монгольского языка. Они характеризуютъ съ документальной наглядностью, какую огромную роль сыгралъ турецкій языкъ въ образованіи старого монгольского языка. Примѣръ ајаф а текімліг показываетъ, что турецкие элементы не оставались мертвымъ баластомъ, но жили въ языковомъ монгольскомъ мірѣ на ряду съ другими элементами, его составляющими.

Вотъ еще рядъ примѣровъ заимствованныхъ собственныхъ именъ, названий различныхъ геніевъ, названий животныхъ — все изъ буддійского обихода.

Монг.

Уйг.

А біда,	Amitābha	(Абіда) abita (Müл. 32).
А кшобі,	Aksobhya	(Акшобі) äkšobi (id.).

Монголы сохранили начертаніе к, (г), какъ въ уйгурскомъ, хотя должны бы были писать к (б), разъ они вокализировали черезъ а первый слогъ, элифъ въ уйгурскомъ¹⁾.

А сурі,	Asura	А сурі (b. Staël-Holstein 124)
Есроя,	Brahma	Есроя (Езроа. W. Radloff,

Alttürkische Studien, Изв. Имп. Акад. Наукъ 1909, стр. 1218—19). Благодаря тому что начертаніе а и н не отличаются другъ отъ друга, монголы вполнѣ основательно могли читать и Есроя и Есрон, очень можетъ быть, что такія чтенія существовали и у самихъ уйгuroвъ.

Кормуста, Indra Çatakratu	Кормуста (b. Staël-Holstein, 97).
л ў, драконъ	л ў (RT).

Вмѣстѣ съ буддійскими терминами, съ буддійской литературой попадали къ монголамъ и другія слова — культурные термины. Нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій уже теперь легко опредѣляются на основаніи новооткрытыхъ уйгурскихъ текстовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

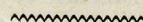
Монг.	Уйг.
а р а д, народъ	е р а т (объяснено у Радлова, RT 50).
б ѡ с, названіе материі	б ѡ с (R. Uig. Spr. 10).
емчі, врачъ	емчі (Mül. 7).
ед тавар, имущество, товары	ет тавар (объяснено у Радлова, RT 51).
дебтер, книга, тетрадь	т ё б т е р (R. Uig. Spr. 58).
черіг, воинъ, войско	к шетрік (Санскр. kṣatriya) > ч е р і к (объяснено у Радлова, RT, 63).

Затѣмъ мы находимъ въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ значительное количество словъ, совершенно сходныхъ по своему значенію съ соотвѣтствующими монгольскими словами и очень близкихъ другъ другу по своему звуковому составу. Напр.:

Монг.	Уйг.
кудуң	кудук (Mül. 8), колодезъ
булуң	булуң (R. T. 4), уголъ

1) См. RT, стр. 52.

чечегліг	чечеклік (R. Uig Spr. 79) цвѣтникъ
туса	тусу (Müл. 25), польза
арсалап, арслан	арслан, левъ ¹⁾

5.

Всѣ тѣ явленія, на которыхъ пришлось остановиться, выдвигаютъ вопросъ о вліяніи турецкаго языка на монгольскій. Выдвигается вопросъ, нельзя ли открыть въ монгольскомъ языкѣ другихъ заимствованій изъ турецкаго? Какого это рода заимствованія и какая ихъ роль, какое положеніе и значеніе въ монгольскомъ языкѣ? Въ данномъ случаѣ мы наталкиваемся, при попыткѣ приступить къ решенію этихъ вопросовъ, на огромныя затрудненія. Если въ выше приведенныхъ примѣрахъ заимствованія опредѣлялись очень легко, подтверждались документальными данными, то теперь, при опредѣленіи турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ вообще, приходится имѣть дѣло съ однимъ факторомъ, крайне затрудняющимъ изслѣдованіе. Дѣло въ томъ, что невозможно при опредѣленіи взаимныхъ заимствованій изъ турецкаго въ монгольскій и обратно пользоваться фонетическимъ анализомъ. Всякое турецкое слово, попавъ на монгольскую почву, не будетъ противорѣчить фонетическимъ представлѣніямъ монгольского языковаго міра и наоборотъ. Такъ напр., если предположить, что слово кара, «черный» — турецкаго происхожденія заимствуется монголами, то оно является тамъ тоже въ формѣ кара, отвѣчая всѣмъ языковымъ представлѣніямъ Монгола, позаимствовавшаго это слово отъ Турка. «Критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетическихъ, морфологическихъ и даже семасиологическихъ особенностяхъ», писалъ проф. С. К. Буличъ²⁾. «Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенію или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчашему его звуковымъ и прочимъ законамъ». Въ будущемъ, быть можетъ, когда изученіе монгольскихъ и турецкихъ нарѣчий достигнетъ совершенства, и въ той области, въ области турецко-монгольскихъ языковыхъ сношеній можно будетъ оперировать анализомъ фонетическимъ, но и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ; теперь же мы можемъ искать турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ въ морфологическихъ и отчасти семасиологическихъ особенностяхъ, обнаруживающихъ ихъ иноязычное происхожденіе.

1) На заимствованіе этого слова монголами указывалъ Quatremère, Journ. Asiat. 5 sér. XI, 153 — 155.

2) Церковнославянскіе элементы въ ... русскомъ языкѣ. СПБ. 1893.

Привожу теперь рядъ примѣровъ такого разбора.

Возьмемъ монгольское слово *кесег* (Хал. *хесек*), «часть, кусокъ, обрѣзокъ», слово это очень распространено, какъ въ письмен. языкѣ, такъ и въ живыхъ нарѣчіяхъ. На Монг. почвѣ слово это необъяснимо. Въ турецкомъ же мы встрѣчаемъ это слово въ Дж., Осм., Кар., Тар.; происхожденіе его понятно: v. *кес*, рѣзать, отрѣзать (Уйг. *Дж.*, Тар., Осм. и др. нарѣчія) + аффиксъ *е* + *к*, аффиксъ *к*, к очень распространенъ въ турецкихъ нарѣчіяхъ¹⁾). Монголы, очевидно, позаимствовали это слово цѣликомъ и морфологический составъ слова ими не сознавался. Подобныхъ примѣровъ въ Монг. яз. можно найти много. Напр.:

Монг. *таби* ё, жертва, служба; Тур. Орх. *тапык*, Дж. *тапук*, Уйг. *табук*, — служба < v. *тап*, почитать (Орх., Уйг., Осм.) + аф. *к*.

Монг. *көрүг*, изображеніе, картина, образъ; Тур. Орх. *көрүг*, рассматриваніе, Шар. *көрүг*, видъ, физіономія, Осм. *гөрүк*, взглядъ, видъ < v. *көр* видѣть + аф. *к*.

Монг. *таја* ё, разг. *тајик*, палка; Тур., Уйг., Дж., Ком., Кир. и др. нар. *таjak*, палка < v. *таја*, подпирать (Крм.) (ср. Туркм. *тајау*, подпора, Уйг. *тајан*, опираться) + аф. *к*.

Монг. *емгег*, поврежденіе, печаль, скорбь; Тур., Уйг., Ком., Дж. *емгек*, трудъ, страданія, мученія, бѣда < v. *емге*, мучиться (Уйг.) + аф. *к*.

Монг. *böлүг*, отдѣль, глава, отрядъ; Тур. *böлүк*, отдѣль, глава, etc. < v. *böл*, дѣлить, отдѣлять + аф. *к*.

Монг. *біліг* (см. выше, гдѣ говорилось о белге *біліг*), мудрость; Тур. *bilig*, id. < v. *bil*, знать + аф. *к*.

Монг. *сурат*, *сурүк*, слухъ, вѣсть, извѣстіе, разспросы, освѣдомленіе; въ Монг. языкѣ глаголъ *сур*, въ значеніи «спрашивать» встрѣчается почти исключительно только у ойратовъ, обычная форма письмен. яз. для глагола «спрашивать» *аса* ёу; Тур., Дж., Койб., Тар. *сурак*, вопросъ,просьба; Осм. *сорак*, Дж. *сора* ё, вопросъ, разслѣдованіе; осм. *сорук*, вопросъ < v. *сур*, спрашивать (Дж., Тар., Алт., Кар., Ккир. и др. нар.) + *к*; сор, спросить (Осм., Крм., Ком.) + *к* (*ак*) (*соп* = *сур*а).

Въ послѣднемъ случаѣ въ Монг. языкѣ помимо номен съ аффиксомъ *к* = ё (*k*), объясняемаго только изъ языка турецкаго, оказывается еще и verb.совершенно сходный съ соответствующимъ турецкимъ. Такихъ случаевъ можно обнаружить очень много и получается тогда слѣдующее: въ Монг. и Тур. существуютъ два одинаковыхъ verb. напр. Монг. *цаса*, исправлять,

1) См. W. Radloff. Die Alttürk. Inschrift. der Mong. Neue Folge. St.-P. 1897, стр. 56—57.

устраивать, сооружать и Тур. (Уйг., Тар., Кир., Каз., Дж. и др.) *јаса*¹⁾, съѣдать, соорудить, созидать, приготовить, поправить; затѣмъ въ обоихъ же языкахъ существуютъ *номина*, образованныя отъ этихъ глаголовъ, Монг. *цаса* (Хал. *засак*), законъ, законный порядокъ, установление, управление, наказаніе и Тур. (Осм., Дж., Каз.) *јасак*, законъ, постановление, уложение, запрещеніе, дань, причемъ эта форма объясняется только изъ языка турецкаго: *јасак* < v. *јаса* + аф. k. Можно поэтому, въ данномъ случаѣ, говорить о заимствованіи изъ турецкаго въ монгольской только формы *јасак*; что же касается до глагола *јаса* || *цаса*, то судить о заимствованіи его монголами изъ турецкаго пока не приходится.

Тоже самое явленіе можно иллюстрировать еще слѣдующими примѣрами:

Монг. *коно* (Халх. *хонок*), ночлегъ, ночевка, сутки, пространство однодневнаго пути; v. *коно*, ночевать; Тур. (Бар., Кир., Шор., Ком., Дж., Ост.) *конак*, сутки, ночлегъ, гость; (Уйг., Дж.) *конук*, гость (т. е. тотъ, кто остановился у кого-нибудь), (Алт., Тел. Леб.) *коно*, сутки, жизнь < v. *кон* (Орх., Уйг., Ком., Дж., Дем. и др. нарѣч.) остановиться, расположиться на житѣе, осѣсть (значеніе болѣе широкое, чѣмъ монгольское *коно*), остановиться и переночевать, жить, прожить + аф. a + аф. k.

Монг. *амара*, *амура*, — другъ, любезный, милый, любимый v. *амара*, *амура*, — быть спокойнымъ, чувствовать удовольствіе, утѣшаться, v. *аму*, успокаиваться, отдыхать, проводить жизнь въ удовольствіе и. т. п. *амарама* — желаніе, любовь; Тур. Уйг.²⁾ *амрак*, спокойный, Ком., Алт., Кир., Тар. *амрак*, спокойный, мирный < v. **амра* (ср. Уйг. *амранмак*, das in Ruhe Sein, Алт. *амран*, жить въ спокойствіи, отдыхать < v. *ам(ы)ра* + n, + n - + *мак*) + аф. k.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ монгольскомъ языке поmeno verb. оканчивающіяся на а, е, и объясняемыя только изъ турецкаго языка, какъ образованія именъ отъ глагольныхъ корней при помощи аффикса а, е и наоборотъ образованія глаголовъ отъ именъ³⁾. Такого словообразованія монгольской языку не знаетъ. Напр.

Монг. *цака*, край, берегъ, воротникъ, граница (но v. *ядала*, обшивать, оторачивать!); Тур., Уйг., Дж., Осм., Каз. *јака*, Алт. *jakka*,

1) О *цаса* см. выше; въ калмыцкомъ не (*цаса*) *заса*, а *јаса*; у армянского писателя Магакіи мы находимъ формы *јасак*, *јаса*, собраніе опредѣленій, законъ, наказаніе. Пат. I, 24. Мусульманские писатели называютъ постановленія Чингисхана ясой (см. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монг. наш., ч. II, стр. 420).

2) R T. 51—52.

3) Объ этомъ образованіи см. проф. П. М. Меліоранскій. Араб.-филологъ о турецкомъ языке. (СПб. 1900), стр. LXXVII.

Крм., Бар., Леб. яңа Кир. ҹака, воротникъ, край, граница, берегъ (v. jakala, jakkala, jañala, пришить воротникъ, схватить за воротникъ, идти вдоль берега) — < v. jak (Уйг., Дж., Тар., Алт., Леб., Ком., Бар., Каз.), приблизиться, подходить — аф. а.

Монг. сана, думать, мыслить, помнить (въ живыхъ діалектахъ еще скучать); Тур., Дж., Осм., Ком., Крм., Каз., Кир., Алт., Тел. сана, считать, щѣнить, думать, подумать, припомнить, намѣреваться — < п. сан (Орх., Уйг., Дж., Осм., Ком., Кир. и др.) счетъ, число — аф. а.

Монг. каны, пускать кровь (по Монг. «кровь» — чисун); Тур. каны, пускать кровь — < п. кан (всѣ діалекты) кровь — аф. а.

Монг. яра, рана, язва; Тур. (Ком. Дж. Осм. Крм. Каз.) яра, id. — < v. jar (Орх. Уйг. Дж. Осм. Ком. Ад. Алт. Тел. Леб.) расщепить, разбить, раздвинуть — аф. а.

Въ монгольскомъ языке встрѣчаемъ мы пом., оканчивающіеся на үучі, напр. ацүучі, охотникъ, при пом. ац дичь, звѣрь; образованія именъ и именныхъ основъ при помощи үучі въ монгольскомъ неизвѣстны; аф. үачі, гечі служить для образованія именъ отъ глагольныхъ основъ¹⁾. — Объясненіе находимъ въ турецкомъ. Тур. ацүучы, id. < v. ац, охотиться — үучы — аф. для образованія nomen agentis (үу — чы)²⁾.

Тоже самое Монг. ҹарҹучі, судья (у Араба-Филолога ҹарҹачы, правитель, судья). На монгольской почвѣ можно думать, что ҹарҹучі < ҹарҹу судъ — аф. чі, но этимологія самого ҹарҹо (ҹарҹу) не объясняется; объясненіе мы находимъ опять въ турецкомъ. Тур. Дж. ҹарҹучы, судья, Тел. ҹарҹучы, id. Ком. ҹарҹучы, id. Кар. ҹарҹучу, id. Осм. ҹарҹучы — < v. jar (Орх. Уйг. Каз.) обсудить, судить; v. jar > ҹарҹу (nom. verbale при помощи аф. үу³⁾) судебное рѣшеніе, процессъ, тяжба, судъ, судебный приговоръ (Бар. Ком. Дж. Кар.), ҹарҹы (үы||үу), рѣшеніе, судебное рѣшеніе (Осм. Алт. Леб. Тел.) — аф. чы, такимъ образомъ получается аф. для образованія nomen agentis үу — чы.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ монгольскія слова объяснялись существующими, живыми формами языка турецкаго, оставаясь на монгольской почвѣ неразложимыми. Монголь, разумѣется, абсолютно не чувствуетъ этимологического состава напр. слова каны > ханы, пускать кровь, не зная совершенно такихъ словообразованій при помощи аф. а, не зная слова кан и имѣя для обозначенія понятія кровь чисун. Не то Турокъ; онъ во-первыхъ обладаетъ общераспространеннымъ словомъ кан, кровь, во-вторыхъ въ

1) См. А. Д. Рудневъ, Лекціи по грам. монг. яз., стр. 60.

2) См. W. Radloff, Die Altt. Inschr., N. F., 97.

3) W. Radloff, ibid.

головъ его живутъ ряды: *nomen + a > verbum, verbum + a > nomen*, и взятое имъ откуда-нибудь новое слово легко становится въ эти ряды.

Въ дальнѣйшемъ, приводя рядъ турецкихъ заимствованныхъ словъ въ монгольскомъ я буду стараться обнаружить ихъ морфологическое строеніе, чуждое для языка монгольского, но понятное и живое и живущее въ турецкомъ языковомъ мірѣ.

Монг. кёгөркен, кёгорекүи, Халх. хөрхө, Оир. көркө, миленкій, бөднәжка; Тур. (Уйг., Дж.) көрк, красота, Дж. көркäm, красивый, прекрасный, Кир. көркө, красота, Тел. көркї, жалко!, Алт. Тел. Ккир. көркү, красивый, прекрасный — все *nominis* образованныя отъ глагольной основы көр (Орх. Уйг. Дж. Ком. Алт. Кир. и др.) видѣть, глядѣть¹⁾. Въ монгольскомъ языке слово это заимствованымъ изъ турецкаго и архаизированнымъ признаеть Г. И. Рамстедтъ (РФ. 53).

Монг. бары, вполнѣ, совсѣмъ, совершенно; Тур. (Кир.) бәрі, все < бар + i (см. П. М. Меліоранскій. Грам. Казакъ-Киргиз. языка, ч. I, стр. 19).

Монг. баса, еще, опять; Тур. (Алт. Тел. Леб. Койб. Саг.) паза, Уйг. баса²⁾, Дж. баса, еще — < v. бас (Уйг. Алт. Тел. Койб.) + a, окончаніе дѣепричастія; || яна, назадъ, опять, снова < v. ян возвратиться + a, окончан. дѣепричастія.

Монг. царим, Калм. зәрим, нѣкоторый, иной, половина; Тур. Уйг. Ком. Осм. Каз. Алт. и др. ярым, Кир. царым, половина, полъ < v. яр (Орх. Уйг. Дж. Осм. Кар. Ком. Алт. и др.) расщепить, раздвинуть, разбить + аф. м. (см. W. Radloff, Die Alttürkisch. Inschrift. N. F. стр. 58—59); появленіе і въ монгольскомъ словѣ во второмъ слогѣ тоже объясняется только изъ турецкаго.

Монг. церліг, дикій, полевой; при v. церлігле, предать земль, похоронить!; въ составъ обоихъ монгольскихъ словъ входить заимствованное турецкое (почти всѣ діалекты) слово јер, земля. Затѣмъ Тур. (Дж. Тар.) јерлік, имѣющій землю, туземецъ, Тел. јерлік, дикій, живущій въ дикомъ состояніи — < јер, земля + аф. lik; Осм. јерли, имѣющій мѣсто, относящійся къ землѣ < јер + li.

Монг. цілві, цілбі, јілві, јілбі, јелві, ілбі, письмен. Ойрат. јелві, јелбі, обманъ, волшебство, навожденіе, призраки, хитрость, обольщеніе; Тур. Уйг. јілві, јелві, навожденіе, страсть, повѣтріе³⁾,

1) См. В. В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нар. Т. 2, W. Radloff. Alttürk. Inschrift. N. F. 56—57.

2) Müller транскрибируетъ баšа (Müll., 29).

3) См. W. Radloff. Chuastuanit, стр. 30 и RT, стр. 68.

Тел. *jılbi*, жадность, страсть, обольщение, соблазнъ, в. *jılbileñ*, страстно желать, быть страстнымъ, Тел. *jelbū* (< *jelbi* + ю), въяніе, сквозной вѣтеръ, Алт. Тел. Леб. *jelbi*, произвести вѣтеръ, развѣвать, Тел. *jelbik*, простудиться, Ком. *jelpi*, развѣвать, Уйг. *jelvik*, von Senchen (Luftkrankheiten) angesteckt werden¹⁾ — < *jel* (Уйг. Дж. Осм. Крм. Тар. Алт. Леб.) вѣтеръ, воздухъ, повѣтріе, эпидемія, + различныя окончанія.

М. ціміс, цімес, Ойрат. письмен. земіс, земес, Арабъ-филологъ — ціміш, Дербет. Кобд. земіс, ціміс, плоды, фрукты, ягоды; Т. Уйг. *jimish*(с), *jemish*(с), id.²⁾, Крм. Ком. Осм. Дж. Кар. *jemish*, id.; Алт. *jemish*, пища, кормъ, Тел. *jemish*, добыча хищныхъ животныхъ < в. *jel* (Уйг. Осм. Дж. Крм. Тир. Ккир. и др.) ёсть, кушать, наслаждаться, + міш окончаніе причастія; Тур. форма *jemish*, есть «мертвѣлое» причастіе и въ такомъ видѣ и позаимствовано монголами.

М. цірођа, Хал. џорð, Дэрбэт. Кобд. џорð, џорð иноходецъ; (в. џорчи, шествовать, выступать, идти, въ памятникахъ квадратного письма *jorchi*, id.; џори, вознамѣриться, рѣшиться стремиться); Тур. Осм. Дж. *jordja*, иноходецъ, иноходь; Ккир. џорðа, id.; Алт. Тел. Леб. *jordjo*, id.; (Дж. *jortak* (< в. *jort*), лошадь, имѣющая сильный шагъ, рысь, рысистый) — < в. (**jop?*) *jory* (Уйг. Орх.) ходить + ю, аф. для образования номина *verbalia*. Другія образованія отъ этого же глагола: Уйг. *joryk*, ходъ, хожденіе, образъ жизни; Бар. Ккир. Крм. *joruk*, путешествіе, хожденіе, ёзда; Тел. *joruk*, охота; Орх. Уйг. *joryt*, заставить ходить || Уйг. Осм. Дж. Алт. Леб. Бар. *jort*, идти скорымъ шагомъ, ёхать скоро, идти рысью.

Монг. цірүкен, Ойрат. письмен. зүрекен, у Араба-филолога цірүге, сердце; Тур. (Уйг. Осм. Дж. Тел. Леб. Ком. Кар.) *jurek*, id.; Осм. *jurakan*, двигающійся, сердце; Кар. *jürækłen* (< *jüræk* + lä + н), сердиться — < в. *jür* (Орх. Алт. Тел. Леб. Ккир. Тар.) быть въ движениі, идти, ёхать, жить, находиться || Уйг. в. *jüri*, id. (♂ *jürik*, походка, жизнь. Уйг. Дж.) + различныя окончанія.

М. цірүкен (зүрекен) и цірођа (џорð), по сравненію съ Тур. соответствующими *jurek*, *jordja*, отличаются своимъ гласнымъ первого слова — i; объяснить это явленіе можно вліяніемъ предыдущаго ц (j)ср. Р. В. Д. 188, 190, 191, 192.

Монг. џолђа, встрѣтиться, свидѣться, посѣтить; Тур. Крм. Ком. Тоб. *joluk*, id.; Дж. Тар. *jolyk*, id. — < *jol* (Орх. Уйг. Дж. Осм. Крм. Алт. Тел. Леб. Ккир.) дорога, разъ + аф. k.

1) RT, 68.

2) RT, 69.

Монг. **кабка**, западня, ловушка, капканъ; Ойр. **хабха** (< **кабка**), ворота, капканъ; Тур. Каз. Кир. **капка**; Дж. **капук**(**б**); Осм. Крм. **капу**; Кар. **кабак**; Орх. **капыб**, — ворота < **кап** (Дж. Ком. Осм. Каз. Кир. Ккир. Тел. Алт. Койб. и др.) хватать, брать руками, унести, вырвать + а = v. **капа** (Крм. Осм.) запирать, замкнуть, закрыть, заткнуть, заключить ← аф. **к**.

Монг. **кабкаյ** (**кабкаласу**, **кабкаласун**); Калм. **хавхък**, крышка; Тур. (Тел. Таб. Дж.) **капкак**; Алт. Шар. Леб. Саг. Койб. Кир. **какпак** (= **капкак**); Осм. Дж. Ад. Крм. Тар. **капак**, id. < v. **кап** (Дж. Ад. Осм. Кар. Ком. Каз. Кир. Ккир. Тел. Алт. Шар. и др.), хватать, брать руками, унести, вырвать + аф. **как > а -к¹**).

Монг. **керек**, нужда, необходимость, нужный; Тур. (Орх.) **кергек**, Уйг. **керек**; Тар. Ком. Тел. Алт. Шар. Леб. Уйг.²⁾ Дж. Кар. Сарт. **керек**, необходимый нужный; **керек > керек**³⁾. Монголы позаимствовали более новую турецкую форму; существование более древней турецкой формы — встречается въ орхонскихъ надписяхъ и старо-уйгурскихъ текстахъ (въ новѣйшемъ уйгурскомъ (Кудатку - білік) уже **керек**) — помогаетъ намъ найти происхожденіе монгольской формы и установить время заимствованія. Оно довольно раннее, на турецкой почвѣ **керек > керек** образовалось рано (XI-й в.).

Монг. **куруд**, Дэрб. Кобд. **хурут**, родъ сухого сыра; Тур. (Уйг. Осм. Алт. Леб. Тел.) **курут**, id. < v. **куру** (Уйг. Дж. Осм. Кр. Ком. Крм. Тел. Леб.) сохнуть, дѣлаться сухимъ, высыхать + аф. **т**.

Монг. **күлүг**, крѣпкая лошадь, твердый, непоколебимый, титулъ одного князя (хана дэрбетовъ); Тур. (Ор.) **күлүг**, известный, знаменитый, иногда «герой»; Уйг. Дж. Саг. Койб. Ккир. **күлүк**, герой, скаковая лошадь, осм. **гүлүк**, выночное животное < **кү** (Орх. Барб. Тел.) то, что слышится, слава + аф. **лүк**.

Монг. **кёрши**, сосѣдъ; Тур. (Тел. Леб. Алт.) **көрүш**, человѣкъ, съ которымъ часто видишься, знакомый другъ; Бар. Ком. **кёршү**, сосѣдъ, ближній; Уйг. Дж. Тар. Алт. Тел. v. **көрүш**, видѣться, встрѣчаться < v. **көр** (Орх. Уйг. Дж. Ком. Алт. Тел. Кир. Ккир. и др.) видѣть, глядѣть + аф. **ш**.

М. **отачі**, оточі, врачъ; Тур. Уйг. **отачы** (Мүл. 7); Ком. **отапы**, id. < от (Уйг. Дж. Осм. Ком. Крм. Алт. Тел. Кир. Ккир. Кар. и др.) растенія, служащія пищей для животныхъ, растенія лекарственныя,

1) См. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турец. яз., стр. LXXVII.

2) Болѣе поздняя форма.

3) П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о турец. яз., стр. LXXVII.

трава, съюно, лѣкарство (Уйг. Осм. Дж.), ядъ (Кумд., Осм.) — суф. а — аф.
п. agent. чы.

М. туркапу, всегда, постоянно, непрерывно; Тур. Уйг. туркапу,
id. < туруб, турук (Орх. Уйг. Дж.) < v. тур — k, стоянка — бару.
См. RT 50.

М. чоғ, Калм. цёк, Халх. цүг, Бур. нүк, — окрикъ на верблюда,
когда его хотятъ поставить на колѣни; Тур., Уйг., Дж., Осман., Кирн., Кар.,
Алт., Тел. v. чёк, стать на колѣни, чёк!, — на колѣни!

Семасиологический анализъ тоже можетъ помочь открыть турецкие
элементы въ монгольскомъ. Напр.

Монг. ел, согласие, миръ, союзникъ; елчі, посолъ, елчіл-үгеі,
пустынный, безлюдный. Какъ елчі, такъ и елчіл-үгеі < ел, но изъ
монгольского ел, согласие, миръ, ихъ объяснить трудно въ семасиологиче-
скомъ отношеніи. Въ турецкомъ ел, значить «группа племенъ, которыя
пользуются самостоятельностью и составляютъ одно политическое цѣлое;
кочевое государство; племенной союзъ (Stammgemeinschaft); государствен-
ное устройство; самостоятельная государственная жизнь»¹⁾; Уйг. Дж. Тел.
Ад. народъ; Алт. Тел. Леб. собственный народъ, свое племя, своя семья;
Осм. Кирн. люди прихода, въ противоположность собственной семьѣ, т. е.
чужие, другіе; люди вообще; Осм. страна, губернія; Дж. Уйг. миръ, согла-
сие; Кирн. Ккир. Саг. Коїб. ўл, значитъ, — племя, отдѣленіе народа, на-
родъ, люди; миръ, согласие. Несомнѣнно древнѣйшее и основное значеніе
ел — племенной союзъ (Stammgemeinschaft), это уже достаточно выясни-
лось, благодаря изслѣдованіямъ акад. В. В. Радлова и проф. П. М. Мел-
иоранскаго. Производнымъ отъ ел словомъ будетъ елчі (Уйг.), пра-
витель народа; значеніе прямо вытекающее изъ основного значенія ел. За-
тымъ въ различныхъ болѣе новыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ (Тел. Алт. Тар.
Ком. Кирн. Осм. Дж. Ад.) мы тоже слово встрѣчаемъ въ значеніи,—посолъ,
вѣстникъ. Несомнѣнно, мнѣ кажется, монголами слова ел и елчі, были
позаимствованы въ болѣе или менѣе позднюю эпоху, во всякомъ случаѣ
по-орхонскую, съ измѣненіемъ основного значенія. Очень можетъ быть, что
елчі въ значеніи — «посолъ, вѣстникъ» былъ въ свою очередь заимствованъ
турками отъ монголовъ, уже въ ту пору начавшими терять представление о
своемъ старомъ словѣ ел — племенной союзъ, etc. Это тѣмъ болѣе вѣроятно,
что мы въ уйгурскихъ памятникахъ монгольской эпохи, когда уйгуры были
подвластны монголамъ, находимъ слово елчі въ значеніи «чиновникъ», вѣ-

1) См. П. М. Меліоранскій, Памятникъ въ честь Кюль-Тегина, стр. 82, а также
его же статья въ Ж. М. Н. Пр., 1898 г. VI «Объ Орхонскихъ и Енисейскихъ надгробныхъ
памятникахъ съ надписями».

роятно, «монгольскій чиновникъ»¹⁾. Въ одной sūtra, несомнѣнно переведенной съ уйгурского на монгольскій²⁾ и заключающейся въ 31-мъ томѣ отдѣла Елдеб монгольского Канджура, слово ел употребляется въ значеніи народъ, племя: ел улус-ун кімуралдуку дајисун (fol. 86а), врагъ, съ которымъ враждуетъ народъ (племенной союзъ).

Всѣ выше приведенные заимствованія монгольского языка изъ турецкаго надо отнести повидимому ко времени до эпохи образованія монгольской имперіи. Въ послѣдующее время главная масса монгольского народа не соприкасалась съ турками и непосредственное общеніе между этими двумя языковыми мірами прекратилось.

6.

Только западная часть монгольского племени (ойраты) продолжали общаться съ турками и поэтому у нихъ появились новыя турецкія заимствованія, неизвѣстныя языку остальныхъ монголовъ. Турецкія заимствованія, опредѣляемыя нами въ письменномъ монгольскомъ языкѣ, буддійские термины уйгурского происхожденія, культурныя заимствованія — все это находится въ языкѣ ойратовъ, какъ воспринятое вмѣстѣ съ остальными монголами въ болѣе раннюю эпоху; новыя же турецкія заимствованія, неизвѣстныя языку восточныхъ монголовъ у ойратовъ встрѣчаются какъ въ ихъ письменномъ языкѣ, возникшемъ въ половинѣ 17-го вѣка, такъ и въ живыхъ нарѣчіяхъ. Помимо этихъ заимствованій съ турецкаго, заимствованій, свойственныхъ какъ письменному языку, такъ и живымъ нарѣчіямъ, поскольку мы ихъ знаемъ, заимствованій, значитъ, обще-ойратскихъ, у различныхъ ойратскихъ племенъ появились свои, специфическая заимствованія отъ тѣхъ турецкихъ племенъ, съ которыми имъ пришлось столкнуться послѣ того, какъ они широко раскочевались по разнымъ странамъ Азіи и Европы. На присутствіе въ языкѣ ойратовъ, въ частности Волжскихъ калмыковъ, турецкихъ элементовъ указывалось уже раньше³⁾, но изслѣдованій въ этой области никакихъ не производилось. Примѣры:

Ойрат. письмен. базар, Дэрбэт. Астрхн. Дэрбэт. Кобд. базр, торговое мѣсто, рынокъ, лавки; Тур. (Уйг. Осм. Алт. Тел. Шор.), съ перс. пазар, id. По всей вѣроятности заимствованіе обще-ойратское; слово

1) См. W. Radloff, Uig. Sprachdenkmäler, стр. 30. В. В. Радловъ указывалъ на возможность обратного заимствованія уйгурами отъ монголовъ.

2) См. B. Laufer. Zur buddhistischen Litteratur der Uiguren. T'oung-Pao, Sér. II, vol. VIII, гдѣ приводится тибетскій переводъ этой sūtra. Монгольский переводъ былъ неизвѣстенъ г. Laufer'у, о китайскомъ подлиннике этой sūtra см. статью S. Lévy: L'original chinois du Sūtra tibétain sur la Grande-Ourse. id. sér. II, v. IX.

3) См. А. Бобровниковъ. Грам. монг.-калмыцк. яз. Казань 1849 г., стр. V.

встрѣчается, какъ видно, въ письменномъ языкѣ и у двухъ ойратскихъ племенъ; живущихъ далеко другъ отъ друга — одно на отрогахъ монгольского Алтая, другое на Волгѣ. Тоже самое:

Ойрат. письмен., Дэрбэт. Астрхн. Дэрбэт. Кобд. шам, свѣтильня, свѣча; Тур. Осм. Дж. Тар. Кир. Каз. (съ арабскаго) шам, id.

Ойрат. письмен. кіjлік; Дэрбэт. Астрхн. кілік, Дэрбэт. Коб. кілік, кілің, рубашка; Тур. (Кир.) кёилөк; Ад. кёинек; Тар. кёңек; Дж. кёңек, id.

Но, напр., слово ёмък, хлѣбъ; Тур. Уйг. Дж. ётмък, Кир. едмек, Крм. Осм. етмек, id., встречается у Волжскихъ калмыковъ (въ томъ числѣ и у дэрбетовъ), но неизвестно дэрбэтамъ Кобдоскимъ. Тоже самое:

Калм. (Дэрбэт. Астр. у Дерб. Кобд. неизв.) тарбс, арбузъ; Тур. ср.-Азіат. тарбус, id.

7.

Кромѣ турецкихъ заимствованій лексическихъ въ монгольскомъ языке обнаруживаются еще турецкія морфологическія заимствованія. Только обнаруживаніе ихъ представляетъ большія затрудненія вслѣдствіе всетаки еще недостаточнаго изученія турецкаго языка, его исторіи и въ особенности монгольскаго. Еще труднѣе обнаружить вліяніе на монгольскій турецкаго синтаксиса (а такъ же и проникновеніе такъ называемыхъ *innere Sprachformen*).

Позволю себѣ, всетаки, привести нѣсколько примѣровъ турецкихъ морфологическихъ заимствованій въ монгольскомъ, наиболѣе рельефныхъ.

Такъ въ монгольскомъ имѣются дѣепричастіе приготовительное (*Gerundium*) на рун, рүн и дѣепричастіе конечное (*conv. finale*) на рã, рë.

Оба эти дѣепричастія встречаются исключительно въ письменномъ языке, въ письменномъ ойратскомъ онѣ встречаются уже рѣже, въ особенности форма на рун, и въ живыхъ нарѣчіяхъ не существуютъ вовсе. Нужно обратить вниманіе, что въ афиксѣ рã долгота гласного въ монгольскомъ письме не обозначается, она обозначается въ ойратскомъ. Давно уже изслѣдователями монгольского языка было указано на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ форму какого-то причастія на р-+ окончаніе, неизвѣстнаго происхожденія, у н- для образованія *gerundium*'а и р-+ã, окончаніе *dativi* для образования *conv. finale*¹⁾. Уже А. Бобровниковъ обратилъ вниманіе на сходство этихъ монгольскихъ формъ съ соответствующими турецкими. «Сличая эту монгольскую форму, писалъ онъ о формѣ на рã, съ однозначащею ей та-

1) См. А. Д. Рудневъ. Лекціи по грам. монг. яз., стр. 52.

тарскою (= турецкою), образуемою чрезъ наращеніе р га (ра), нетрудно усмотрѣть въ монгольскомъ окончаніи ра (р а) мѣстный падежъ будущаго причастія на р, сохранившагося въ татарскомъ языке¹⁾. Въ монгольскомъ нѣтъ формы причастія на р и нѣтъ положительно никакихъ основаній думать, что такая форма когда-либо существовала. Въ данномъ случаѣ, такъ же какъ и въ формѣ gerundium'а на р -и ун, мы имѣемъ примѣръ морфологического заимствованія изъ турецкаго языка, въ которомъ причастіе на р — форма очень древняя (встрѣчается въ орхонскихъ надписяхъ и древнѣйшихъ уйгурскихъ памятникахъ) и въ тоже время очень распространенная²⁾. Очень возможно, что монголы заимствовали эти формы — gerundium на рун и соп. finale на р а — Тур. причастіе въ х пад. и Тур. причастіе въ дательномъ падежѣ — цѣликомъ, не чувствуя ихъ морфологического строя. Но можетъ быть, что заимствованное отъ турокъ причастіе на р на монгольской почвѣ стало употребляться преимущественно въ двухъ падежахъ и въ такомъ «омертвѣломъ» видѣ стало употребляться какъ дѣепричастіе (причастіе, поставленное въ какомъ-нибудь падежѣ = дѣепричастію).

Въ связи съ этимъ можно остановиться на окончаніи а, употребляемомъ монголами для обозначенія dativ. и locativ. Опять уже А. Бобровниковъ обратилъ вниманіе на сходство этой формы съ турецкой; сравнивая обѣ сходныя формы, онъ пришелъ къ заключенію, что «и въ монгольскомъ языке въ древности было, па мѣсто нынѣшняго одного мѣстнаго (locativ.—dativ.) падежа, также два и частица а, поэтому, имѣла значеніе отличное отъ частицъ дур, тур, да, та (оконч. Монг. locativ.-dativ.)»³⁾. Турское происхожденіе этого афиксса очень вѣроятно; Тур. формы ка, ба > а; Монг. а, причемъ долгота на письмѣ (исключая Ойрат.) не обозначается. Употребленіе а не всеобщее, преимущественно въ письменномъ языке и въ «мертвѣлыхъ» формахъ, употребляемыхъ въ живомъ языке. Въ Монг. письмен. яз. долгое а должно бы было изображаться черезъ а ба, а я а, но въ такомъ видѣ афиксъ дательного падежа — а — нигдѣ и никогда не встрѣчается. Очень можетъ быть, что окончаніе это попало къ монголамъ отъ турокъ черезъ уйгурскую письменность, и потому, хотя монголы и чувствовали долготу, но, слѣдя уйгурскому начертанію, изображали просто черезъ а.

Къ несомнѣннымъ турецкимъ заимствованіямъ слѣдуетъ отнести глагольную форму на міш, міш, встрѣчающуюся въ живыхъ ойратскихъialectахъ; у восточныхъ монголовъ, а такъ въ письменномъ ойратскомъ

1) А. Бобровниковъ, Грам. монг.-калм. яз. Казань, 1849 г., стр. 142.

2) См. W. Radloff, Die Altturkisch. Inschrift. N. F., стр. 95—96.

3) Id., стр. 96—97.

языкѣ этой формы не имѣется. Значеніе афиксса міш, міш — сомнительность дѣйствія, уподобленіе дѣйствію, etc. Напр.

ц'ѣ шалдрѣ болмѣш бѣнѣ (Дэрбэт. Кобд.), кажется чай дѣлается жидкимъ,

у чшіміш болнѣ (Дэрбэт. Астр.), точно читаеть, притворяется читающимъ¹⁾.

Въ турецкомъ языкѣ глагольная форма на мыш, міш очень древняя, встрѣчается въ орхонскихъ и старыхъ уйгурскихъ памятникахъ, и очень распространенная, она встрѣчается и теперь въ южно-турецкихъ нарѣчіяхъ и въ среднеазіатско - турецкомъ письменномъ языкѣ. По всей вѣроятности, ойратами эта форма была заимствована отъ средне-азіатскихъ турокъ еще въ эпоху совмѣстнаго житья ойратскихъ поколѣній въ Джунгаріи. За это говорить то, что форма на міш, міш встрѣчается у дэрбетовъ какъ Кобдо-скаго округа, такъ и Астраханской губерніи, двухъ поколѣній, не имѣвшихъ никакихъ общеній между собой въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Первоначальное значеніе формы на мыш, міш, у турокъ — разсказъ о дѣйствіи, свидѣтелемъ котораго разсказчикъ не былъ, далѣе появляется второстепенное значеніе — сомнительность дѣйствія, уподобленіе дѣйствію; въ послѣднемъ, болѣе новомъ значеніи эта форма и была заимствована ойратами.

8.

Я не буду болѣе приводить примѣровъ турецкихъ морфологическихъ заимствованій въ монгольскомъ; мнѣ хотѣлось указать только на ихъ существованіе. Вообще, конечно, я не могъ ставить себѣ цѣлью указать на всѣ классы и виды турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ языкѣ; я пытался только указать на такія заимствованія, какъ фактъ, подтверждаемый тѣмъ-то и тѣмъ-то. Въ самомъ же началѣ пришлось отмѣтить, что въ значительной мѣрѣ работа надъ выясненіемъ турецкихъ заимствованій въ монгольскомъ парализуется специфическими условіями.

Роль турецкихъ элементовъ въ монгольскомъ языковомъ мірѣ, насколько они уже выясняются для насть, велика; турецкіе элементы живутъ въ монгольскомъ языкѣ на правахъ родныхъ и давно уже не ощущаются какъ элементы чуждые. Но, разумѣется, волна турецкихъ заимствованій должна была произвести большой переворотъ въ монгольскомъ, какъ въ большинствѣ языковъ, принимающихъ значительные иноязычные элементы.

1) См. Отчетъ о поѣздѣ Н. Очирова къ Астр. калмыкамъ: Извѣст. Рус. Комит. для изуч. Ср. и Вост. Азіи № 10. СПБ. 1910, стр. 12 (отд. от).

Пока остается открытымъ вопросъ о монгольскомъ прайзыкѣ и объ отношеніи его къ пра-турецкому. Но, я думаю, уже теперь возможно поставить вопросъ, не является ли монгольскій языкъ — языкомъ смѣшаннымъ, вродѣ языка напр. якутскаго, въ которомъ тоже значительную роль играютъ турецкие элементы. Дѣйствительно, монгольскій языкъ представляетъ много примѣровъ своего смѣшанного происхожденія. Въ то время какъ турецкія нарѣчія являются образцомъ языковаго консерватизма въ области фонетической, морфологической и семасиологической, въ монгольскомъ языковомъ мірѣ за гораздо менышій срокъ происходятъ значительнѣйшія видоизмѣненія, происходятъ измѣненія фонетической — измѣненіе вокализма, появленіе новыхъ звуковъ, уничтоженіе опредѣленныхъ звуковыхъ комплексовъ, измѣненія морфологической — уничтожаются старые и образуются новые ряды, и, наконецъ, измѣненія семасиологической, тоже наблюдаемыя въ тѣхъ или другихъ живыхъ діалектахъ. Очень можетъ быть, что причиною этого является смѣшеніе, заимствованіе изъ турецкаго. Турецкіе элементы, морфологическій составъ которыхъ монголами, ихъ принявшиими, не сознавался, легче подвергались измѣненіямъ и воздействиимъ всевозможныхъ факторовъ и въ свою очередь дѣйствовали на другіе элементы языка. Какъ на образчикъ смѣшенія можно указать еще на удивительную неупорядоченность морфологическихъ формъ въ монгольскомъ языкѣ, *embarras de richesse*, изумительное при сравненіи со строгостью турецкаго языка. Такое обилие формъ мы встрѣчаемъ не только въ письменномъ языкѣ, языкѣ сильно смѣшанномъ, но и въ живыхъ нарѣчіяхъ. Напр. въ одномъ изъ живыхъ ойратскихъ нарѣчій существуетъ семь окончаній для обозначенія множественного числа: с, т, нар (нер), мат, мут, ут (үт), тан (тен), при чемъ употребляются они смѣшанно, неупорядоченнымъ образомъ, часто даже практикуется присоединеніе двухъ афиксъ (|| турецкое приведеніе къ одному знаменателю — лар, единственное существующее окончаніе для plr. начиная съ 7-го вѣка и до сихъ поръ во всѣхъ нарѣчіяхъ). Напр.

Sing.

Plr.

т ў ш ў м ё 1, чиновникъ,	т ў ш ў м ё д, т ў ш ў м ё 1 ў д.
тоті попугай	тотіс, тотід.
с�н, хороший	с�д, с�д ў д, сановники (хорошіе люди).

Множествен. число часто употребляется для обозначенія единственного напр. Хал. х хед, сынъ, дитя, Халх. ех н р, женщина, Ойрат. н н р, жена, женщина. И таково разнообразіе и смѣшеніе формъ, употребляемыхъ вообще рѣдко!

Не указываются ли также на смѣшанный характеръ монгольского

языка явленія, наблюдаемыя съ џ и ѡ. Совершенно справедливо Г. И. Рамстедтъ указалъ на то, что общемонгольское џ надо отличать отъ ѡ. «Здѣсь, какъ мнѣ кажется, — писалъ онъ¹⁾ — умѣсто указать на то, что въ письмѣ начальное ѡ и џ передаются однимъ и тѣмъ же знакомъ. Эту особенность наврядъ ли можно объяснить исключительно свойствами алфавита, какъ это обыкновенно дѣлается; нельзя также понимать это явленіе въ томъ смыслѣ, будто теперешніе զ и ѡ халха'скихъ говоровъ дифференцировались изъ одного звука, потому что иначе какимъ образомъ, въ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, могло бы образоваться въ однихъ случаяхъ զ, въ другихъ — ѡ». Далѣе Г. И. Рамстедтъ указываетъ, что существуютъ нарѣчія, гдѣ «вместо халха'скаго звука զ (и џ) имѣется ѡ». Но, замѣчательно то, что въ различныхъ нарѣчіяхъ появленіе ѡ || халхаскому զ, наблюдалось спорадически. Напр.

Ойрат. письмен., Дерб. Кобд., Дерб. Астр. ясай, устроить, починить, Восточ. Монг. ҹас, ҹаса, яс || Халх. զасай < письм. Монг., ҹаса, тогда какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ халхаскому զ соответствуетъ калмыцкое з, тоже самое Калм. յарбачи, палачъ. судебный служитель (при зарѣ, судѣ) || Халх. զорбачи, id., но въ Халх. յарбачи — мясникъ²⁾. Въ памятникахъ квадратнаго письма мы встрѣчаемъ форму јорчи, ходить || Халх. զорчи, въ то время какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ халхаское զ соответствуетъ ҹ памятниковъ квадратнаго письма. Обычно при заимствованіяхъ съ турецкаго на мѣсто турецкаго ѡ въ монгольскомъ имѣется ҹ > Халх. զ и Ойрат. з. Но иногда и въ монгольскомъ на мѣсто Тур. ѡ имѣется также ѡ, или и ѡ и ҹ > զ и զ. Напр.

Тур. јертінчү || Монг. јертінчү > Халх. јуртэнҹү, Ойрат јіртенҹү, јіртэмҹү.

Тур. јілві || Монг. ҹілві и јілві, Халх. ҹілві и јілві, Бур. јілві, Калм. ҹілві и јілві.

Затѣмъ надо обратить вниманіе на ҹака, край, берегъ и язала, обшивать, гдѣ одинъ и тотъ же корень въ одномъ и томъ же діалектѣ встрѣчается съ ҹ и ѡ.

1) РФ. 28.

2) Указаніемъ на послѣднее слово я обязанъ Г. И. Рамстедту. Въ письмен. Монг. тоже встрѣчается форма јарбачи, палачъ. Въ одномъ монгольскомъ сочиненіи: Саран шібајуна-у тоҕуҹи (Xyl. Q. 9. Универ. Библіот.) слово јарбачи аллитеруется со словами јала, вина, јаріҕ болтливый etc., такъ что читать ҹарбачи невозможно.

9.

Совершенно иная картина представляется, если обратиться къ заимствованіямъ изъ монгольского въ турецкомъ языке. Заимствованія эти менѣе значительны и спорадичны.

Въ старыхъ уйгурскихъ памятникахъ не открывается никакихъ слѣдовъ монгольскихъ вліяній. Въ орхонскихъ памятникахъ указывается на тъ словѣ таркат, какъ на монгольское заимствованіе; на сомнительность такого толкованія указалъ уже проф. П. М. Меліоранскій¹⁾. Въ уйгурскихъ документахъ эпохи монголовъ, а также въ письменныхъ памятникахъ другихъ турокъ встречаются изрѣдка монгольскія слова, преимущественно административные термины. Напр.

түшүмен, чиновникъ; елчи, въ значеніи «чиновникъ», «посоль»
юсун, законъ тарука, намѣстникъ; и т. п.²⁾.

Въ письменномъ джагатайскомъ и османскомъ языке открывается довольно много монгольскихъ словъ—преимущественно монгольскихъ военныхъ терминовъ; при чемъ иногда къ туркамъ возвращаются, какъ это случается и въ другихъ языкахъ, ихъ собственные слова, позаимствованныя монголами въ болѣе раннюю эпоху. Напр.

Осм. Дж. караул, каравул, караюл, карауль, стража, Монг. караюл (> *карауул > *караул), id. < v. кара-юл.

Дж. ясал, строй войска, отрядъ, боевой порядокъ, Монг. цасал > засал, id. < v. цаса-л.

Осм. Дж. ясаул, уставщикъ, исполнитель повелѣній (Дж.), капралъ дворцовой стражи (Хива); конная стража сановника, офицерь стражи (Осм.); Монг. цасаюл (> *цасаул), распорядитель, устроитель, часовой, офицерь < v. цаса-юл.

Можетъ быть монгольскихъ заимствованныхъ словъ съ афиксомъ юл > аул, все изъ категоріи военныхъ терминовъ, было такъ много, что въ Средней Азіи начали образоваться новыя слова при помощи иноязычнаго афікса изъ той же категоріи военныхъ терминовъ. Напр. Дж. јортаюл, јорта'ул, конный отрядъ, посыаемый для грабежа < v. јорт, идти, ёхать + монгольскій афиксъ юл, по ассимиляціи съ караюл, ясаул etc.

1) П. М. Меліоранскій, Памятникъ въ честь Кюль-тегина, стр. 80.

2) См. W. Radloff, Uigur. Sprachdenkmäler.

Дж. оң-бар, сол-бар, правый флангъ (войска) и левый флангъ; первое слово турецкое — оң, сол; второе монгольское — бар, рука, флангъ.

Дж. оңца, военная добыча; Монг. оңца, id. < v. ол.

Затѣмъ въ современныхъ живыхъ діалектахъ тѣхъ турокъ, которые живутъ или жили по сосѣдству съ монголами напр., у киргизовъ, теленгитовъ, алтайцевъ, урянхайцевъ и др., встрѣчаются отдѣльныя заимствованыя монгольскія слова, вѣроятно болѣе новаго времени. Въ особенности много такихъ заимствованій у алтайцевъ и урянхайцевъ.

Б. Владимірцовъ.